

Анатолий Гай

ПОЭТ ПЁТР КОМАРОВ

(Критико-биографический очерк)

Был февраль памятного 1942 года. Устойчиво держались крепкие сорокаградусные морозы. По ночам с Амура дул ледянящий ветер. Ту зиму даже коренные дальневосточники называли суровой.

Но её никто как бы не замечал.

На площадке завода днём и ночью гремел металл, вспыхивали огни автогена. Работы шли и на открытой поверхности, и глубоко под землёй. Снаружи, на огромной высоте заводских корпусов, борясь с пронизывающим ветром, хлопотали бесстрашные «верхолазы» — арматурщики. Внутри цехов электромонтажники готовили к запуску машины. Под ними, где-то на многометровой глубине, пробиваясь сквозь пласты скованной морозом земли, слесаря вели линию внутренней коммуникации...

Смертельные бои с врагом шли за тысячи километров отсюда, но чувство фронта, чувство «переднего края» владело всеми и здесь. И никого не удивляло, что люди неделями не выходили из цехов, как из окопов, что в короткие часы отдыха они и засыпали возле своих машин, как у боевых орудий.

Мы — группа журналистов и литераторов — делали многотиражную газету стройки. От нас требовалось отобразить в печатном слове смысл и величие трудового подвига строителей, обобщить их опыт, помочь в их нелёгком деле толковой статьёй, живым очерком, стихом, рифмованным лозунгом. Газета выходила ежедневно, а нас было немного — и работы хватало на всех. С рассвета мы расходились по участкам собирать материал, чтобы потом, ночью, его обрабатывать. И стройка завода, всё в новых подробностях, развёртывалась перед нами картиной массового, как бы сконцентрированного здесь героизма простых советских людей.

В ту ночь, когда в редакцию приехал из Хабаровска Пётр Комаров, в подземных ходах внутренней коммуникации разыграл-

ся один из характерных эпизодов. Слесаря-монтажники ремонтировали линию. Внезапно разошлась труба отопления. Свистящая струя горячего, обжигающего пара ударила в потолок, заклубилась по цеху. Со всех сторон по лестницам сюда бежали люди: в цехе стояли ценнейшие точные приборы — малейшее проникновение влаги угрожало им.

Впереди всех оказался бригадир слесарей Иван Касьянин. «Скорей беги назад, перекрой трубы!» — крикнул он соседу, а сам, подхватив с пола чей-то ватник и обмотав руки, заткнул им отверстие в трубе. Он даже не подумал о том, что каждое мгновение мог быть насмерть обожжён. Он простоял так несколько долгих минут, пригнув голову, не отводя от кипящего отверстия свои руки, уже покрытые волдырями...

За это время опасность была ликвидирована. Производителем работ в цехе был инженер Сергей Аноров. Он и сам в эти минуты находился здесь, на месте. Ещё через четверть часа порядок в цехе был восстановлен и слесаря-монтажники спокойно и деловито продолжали ремонт и прокладку линии.

Ночью, в домике редакции, мы, как обычно, совещались по плану очередного номера газеты. Решено было, в числе других материалов, немедленно дать очерк и о мужественном поступке Касьянина, и о боевой работе цеха Анорова. Комаров, нетерпеливо двигая стулом, смотрел то на редактора, то на всех нас.

— Дайте мне написать, товарищи! — сказал он так просительно, что даже голос его дрогнул. — Вы уж тут сколько живёте, а я только приехал!..

«Мотив» был признан уважительным. Вскоре очерк о Касьянине лежал на столе. Когда текст набрали и заверстали на полосу, оказалось, что под ним остаётся ещё немного свободного места. Кто-то предложил подверстать сюда пару стихо-

творных строк, призывающих равняться на аноровский цех.

— А у меня это как раз всё время в голове вертится! — воскликнул Комаров. — Две строчки — вот, если признаете подходящими:

Учитесь работать здорово
У прораба Сергея Анорова!..

Утром газета вышла и с очерком, и с призывным двустушием. Автор его, вероятно, и сам не помышлял об удаче, какая последовала. Анорова знала вся стройка, и две строчки о нём, должно быть, пришлись по душе своей непосредственной прямоотой и конкретностью. Многие строители повторяли их, наподобие поговорки, и даже цитировали на производственных совещаниях.

Как и все мы, Комаров теперь тоже днями и ночами бывал на участках, жадно приглядываясь к людям, наблюдая их тяжёлый самоотверженный труд. Он возвращался перемерзший, с потемневшим от холода лицом. На кустистых бровях его лежал иней, но глаза под ними восторженно светились, и, переполненный впечатлениями, он тут же начинал пересказывать виденное. Отогревшись, брался писать передовую, очерк или стихотворную подпись к рисунку. Когда же сдавал в набор последние строки, становился вдруг молчалив и сосредоточен и, отойдя куда-нибудь в угол, курил папиросу за папирсой и долго сидел молча. Казалось, какой-то сложный и глубокий внутренний процесс происходил в нём.

Будни стройки становились всё напряжённей: близился срок пуска завода.

И вот этот день наступил. Под своды громадного цеха сошлись строители, посланцы предприятий, гости. Состоялся волнующий митинг, и новый завод вступил в строй действующих предприятий страны.

Весёлое возбуждение всю ночь царило и в домике редакции. К утру готовился праздничный номер газеты — увеличенного размера, с отчётом о торжестве пуска завода, с очерками, с портретами героев стройки. За окнами уже синел рассвет, когда закончились многотрудные наши хлопоты, и все могли пойти отоспаться. Мы с Комаровым еще задержались на полчаса, чтобы взять свежие оттиски газеты. В номере шло в ту же самую ночь написанное им стихотворение.

Последние звёзды гасли в небе, когда окраиной заводского посёлка, по снежной целине мы побрели к общежитию. Комаров нёс свою ушанку в руке и глуховато, вполголоса читал:

Ты многое вспомнишь,
И сердце забьётся,
В груди застучит горячей.
Кому еще столько
Не спать доведётся
Суровых амурских ночей?

И подвиг товарищей
В памяти будет,
Его позабудешь едва ль.
Советские люди,
Бесстрашные люди...

— Вот именно — люди! — вдруг с силой произнёс он, не закончив чтение, и остановился. Смотрел Комаров в мою сторону, но, казалось, обращался он больше к себе, когда с неожиданной горечью и сожалением добавил: — Не то я, понимаешь, до сих пор делал. Не о том речь вёл. Или, может, о том — да не так!..

Резким движением он нахлобучил ушанку низко на лоб, на запорошённые снегом волосы, и быстро пошёл вперёд, словно забыв о том, что был не один.

Первые стихи Петра Комарова, появившиеся в печати, датированы 1926-м годом. Его первый сборник «У берегов Амура» вышел в 1940 году. В нём нет этих ранних, начальных стихов. Лишь некоторые, совсем немногие из них появлялись и в последующих сборниках. Автор сам видел в этих стихах не более как ученические опыты.

Но с конца тридцатых годов имя молодого поэта стало привлекать к себе пристальное внимание дальневосточников — оно всё чаще встречалось в местных газетах, в краевом журнале «На рубеже». Появились стихи Комарова «Покорители Тукурингра», «Лувен», «Начало города», «Геологи на привале». Правда, они были еще во многом несовершенны, подчас декларативны, но в них видны были проблески самобытного дарования автора. Главное же, они содержали в себе заявку на большую и важную тему — социалистического переустройства края, освоения советскими людьми его богатейших недр.

Как все поэты, жившие на Дальнем Востоке — в крае пограничном, Комаров обращался также к теме защиты советских рубежей. Стихи «В дозоре», «Запев», «Дорога на заставу», «Полковник» были его первым подступом к разработке военной темы. Сокрушительный разгром японских захватчиков у Хасана и Халхин-Гола, освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии, разгром белофиннов — эти памятные события тех лет давали неисчерпаемый материал поэтам. И в 1939—1940 годах Комаров написал цикл сюжетных стихов («Мать», «Бойцы», «Ожидание»), сделав попытку нарисовать патриотические образы бесстрашных и мужественных воинов. Наиболее характерной в этом смысле была небольшая поэма «Бойцы» — о четырёх воинах-дальневосточниках, собравшихся после боёв на дружескую пирушку со всех концов земли — с Хасана и Халхин-Гола, из-под Белостока и Выборга. Правда, как литературный приём, традиционен был этот мотив пирушки, и места-

ми риторичен рассказ о ратных подвигах бойцов, — тем не менее, высокий пафос героических дел советских людей, беспредельно преданных своей Родине, проникновенно и сильно звучал в поэме. Это были активные, действенные стихи, они несли на себе ощутимую печать времени, касались важнейших, типических сторон действительности.

Однако некая двойственность присуща была молодому поэту. В его творчестве как бы боролись два противоречивых начала: реалистическое, прямо связанное с жизнью, и далёкое от неё, архаичное — условно-романтическое. В тех же 1939—1940 годах появились стихи Комарова, в которых жили опозитизированные «герои» давно минувших лет, представители экзотических таёжных профессий — отшельники-зверобой и следопыты. Было у него немало и созерцательных стихов, где самодовлел «девственный» таёжный пейзаж. И хоть одухотворяло эти стихи чувство глубокой привязанности поэта к природе родного края, они сводились, в конечном счёте, к любованию экзотическими особенностями её «первозданной красоты». Человек тут являлся романтизированной деталью второго плана. И даже в таких стихах, как, например, «Песня сплавщиков леса», где действовали вполне реальные плотогонны, или «Рыболов», — описывались события, которые не только не имели каких-либо примет нашего времени, но и легко могли происходить полвека и век назад.

Между тем ведь то была пора победоносного завершения в стране двух сталинских пятилеток и начала третьей. На Дальнем Востоке совершались уже величайшие социалистические преобразования. Край менял своё лицо, даже в самых диких и глухих его уголках зримы были блестящие результаты созидательного, преобразующего труда советских людей. И то, что героические их дела какое-то время проходили мимо внимания поэта, несло в себе угрозу его дарованию. Опасное увлечение экзотикой могло увести от современности. Творческая судьба поэта зависела от того, какое же из начал победит, возьмёт верх в его творчестве?

Известно, как решился этот вопрос. Талантливый дальневосточный поэт Пётр Комаров быстро и безболезненно преодолел временные слабости и заблуждения на своём творческом пути. Он стал искренним и вдохновенным певцом самоотверженного труда и ратных подвигов советских людей и занял достойное место в их общем боевом строю. Сама наша жизнь, животворная советская действительность помогли ему в этом.

Мы не хотим, конечно, сказать, что описанный выше эпизод на стройке как раз и был тем самым решающим моментом, который окончательно определил перелом в творчестве поэта. Не «вдруг» и не так просто складывается мирозерцание ху-

дожника. Формированию Комарова, как поэта, содействовало воспитание с юношеских лет на активной работе в Ленинском комсомоле. Многие дала ему служба в Красной Армии. Свыше десяти лет он работал журналистом, непосредственно участвуя в социалистическом строительстве края. Важнейшим событием в его жизни было то, что в 1943 году его приняли в члены большевистской партии.

Но бесспорно правильно утверждение всех, писавших о Комарове, что именно в тот период — в начале Великой Отечественной войны, впервые с особой ясностью и остротой осознал он свой долг поэта перед народом. Осознал — и безраздельно, до конца отдал своё дарование на службу народу, отстаивающему свободу и независимость социалистической Родины. Подобно миллионам советских патриотов, он хотел с винтовкой в руках уйти на фронт. Застарелая болезнь лёгких помешала ему сделать это. И тогда, оставшись в тылу, работая с исключительным подъёмом, он оружием слова стал помогать своему народу в достижении победы над врагом.

В годы войны необыкновенное развитие получила в работе советских поэтов одна из славных боевых традиций Маяковского, основавшего в своё время знаменитые «окна сатиры» РОСТА. Она нашла своё отражение и на Дальнем Востоке. Дальневосточники помнят, как толпы людей собирались в Хабаровске, на улице им. Карла Маркса, у окон магазина Когиза, где висели сменные плакаты «Удар по врагу», сделанные руками хабаровских художников и поэтов. Едкой карикатурой плакаты бичевали гитлеровских заправил с их сумасбродным планом «блиц-крига», в саркастических стихах высмеивали фашистских голворезов, битых советскими войсками. Многие десятки ударных подписей к этим плакатам принадлежали Петру Комарову. Его выразительные стихотворные тексты к карикатурам изо дня в день появлялись в печати. Обобщённым результатом этой работы явилась впоследствии книжка сатирических антифашистских стихов Комарова «Как пруссак попал впросак».

Творческая активность поэта возрасла в те дни необычайно. Участие в выпуске «окон сатиры» было лишь одной из форм её проявления.

Подобно многим лучшим советским литераторам, он следовал и другой славной традиции Маяковского. Теперь уже как поэт Комаров вновь пришёл в газету, принеся ей на вооружение стихотворное слово. Страницы «Тихоокеанской звезды» тех лет хранят на себе его страстную публицистику, агитационные стихи, рифмованные лозунги и призывы. Их мобилизующие строки звали к самоотверженному труду в помощь фронту и к созданию отрядов всеобуча, к борьбе за урожай и за экономию топлива, металла:

В эти дни говорит страна:
Красной Армии нефть нужна.
Для войны, для побед на фронте
Нефть, товарищи, экономьте!
Пусть быстрее идут полки,
Пусть вздымаются «ястребки»,
Пусть врага берут в оборот
Вереницы танковых рот!

В эти дни говорит страна:
Красной Армии сталь нужна.
Для войны, для побед на фронте
Сталь, товарищи, экономьте,
Чтоб смирительный наш металл
Злую гадину разметал,
Чтоб её за каждым бугром
Поражал орудийный гром!

На газетных же страницах читатель увидел и первые стихи Комарова непосредственно о войне: проникновенные «Песня войны» и «Нарком победы» — о великом вожде и полководце товарище Сталине, взволнованные, патетические — «Святая месть», «Мы все — бойцы» и многие другие из тех, что вошли потом составной частью сборника поэта «Время бесстрашных». Его строки дышали безграничной преданностью любимой советской Родине, ненавистью к фашистским захватчикам, верой в победу над врагом. Эти чувства владели всем советским народом, и поэт искренне и горячо выразил их, ибо они были и его естественными чувствами.

Вслед за тем он снова обратился к сюжетным стихам. В своеобразных маленьких стихотворных повестях «Хлопец» — о юном колхознике-партизане, «Наташа» — о девушке-медсестре, «Возмездие» — о старике-крестьянине, мстящем за злодеяния гитлеровцев, поэт стремился рассказать о том, что происходило на фронте. Комаровым руководило вполне понятное влечение художника к конкретному изображению героизма советских людей в борьбе против фашистских поработителей. В ту пору и другие поэты, остававшиеся в тылу, ставили перед собой эту цель и тоже пытались изображать дела и события «переднего края», не будучи ни участниками их, ни даже свидетелями. Однако без собственных наблюдений, без личного опыта, нужных писателю, они давали только умозрительное, поверхностное отражение этих событий. Правда, маленькие стихотворные повести Комарова, благодаря силе его дарования, были несравненно глубже и талантливей многих таких произведений. Но это не удовлетворяло и не могло удовлетворить его. Он искал иного решения задачи и пришёл к естественному, логическому выводу, что писать о войне — это одинаково значило писать о кипучих, напряжённых буднях тыла, о героическом подвиге, изо дня в день творимом здесь так же, как и на фронте, миллионами советских людей.

Величие этого бессмертного подвига на-

рода-победителя, народа-творца всё более явственно открывалось поэту на близком примере родного края — советского Дальнего Востока. Несмотря на все тяготы войны, могучий край не только вносил свою долю помощи фронту, но и продолжал бурно строиться, гигантски расти, укрепляться! Комаров видел это воочию, осязал каждодневно, бывая на заводах, в колхозах, воинских частях. Снова и снова во всей глубине и подробностях видит он прекрасные и суровые картины жизни строителей, жизни, полной борьбы, неслыханного героизма и самоотверженного труда. Увидел и отчётливо понял, что именно об этом и обязан говорить он, как советский поэт, что без этого все творческие усилия его не будут иметь ни смысла, ни пользы, ни значения.

К этому времени относится решительная переоценка Комаровым всего написанного им раньше, иное, качественно новое устремление его поэзии. Начисто исчезли в ней мотивы условно-романтической экзотики, отошёл в прошлое самодовлеющий пейзаж заповедной тайги. От абстрактного созерцания природы поэт безраздельно обратился к живому изображению человека — её хозяина и преобразователя. Миром поэзии Комарова стала реальная — новая, многообразная советская действительность, богатейший мир чувств, помыслов и дел советских людей. Сograждане и современники поэта, они полновластно вошли в его стихи — строители городов и стальных путей Дальнего Востока, пограничники и рыбаки, изыскатели и географы, полеводы и трактористы степного колхозного Приамурья.

«...Всё прекрасное заключается только в живой действительности, — говорил еще Белинский. — ...Природа и жизнь... насквозь проникнуты поэзией... Человек ещё более исполнен поэзии». И сама «поэзия есть выражение жизни».

Светлый талант Петра Комарова по-настоящему и расцвёл как раз тогда, когда источником вдохновения для поэта стала наша прекрасная действительность, а предметом изображения — борьба и труд советского человека, величие его подвигов и побед, красота и благородство его моральных принципов. Это необычайно обогатило и подняло поэзию Комарова, сделало её истинной поэзией, придав ей черты народности и той глубины и проникновенности, которые всё ярче сказывались в лучших стихах его последующих сборников — «С востока на запад», «Хинганский родник», «Золотая просека», «Под небом Азии», «Зелёный пояс». Именно эти-то стихи и снискали ему ответную признательность широкого читателя на Дальнем Востоке и далеко за его пределами.

Ужинали на станах за полночь. В хлебородной амурской степи, где мы кочевали

осенью 1943 года по колхозам, шла уборочная страда. Люди возвращались с работы к своим полевым вагончикам, когда огромная луна уже плыла посреди неба.

По ночам север начинал дышать холодом. На стане, возле зарослей тальника, пылал костёр. Девчата-трактористки, переодевшись в ситцевые платья, ютились у огня. Подростки — возчики зерна и горючего — тоже тесней жались к весёлому пламени. Это были минуты блаженного отдыха. И пока повариха осторожно, чтобы не помешать, расставляла алюминиевые миски, Комаров — как повелось в те дни — читал стихи:

Когда бы я не был знаком
С твоими холмами зелёными,
Что пахнут лесным чесноком,
Сосновой смолой и пионами,
Когда бы не знал я дорог
К твоим соловьиным кустарникам,
К лугам, где мышинный горох
Обнялся с травой-золотарником,
Когда бы в полях не бывал,
Где зреют колхозные озими,
Где с осени каждый увал
Под пашню возделан колхозами,
Когда бы ручьи позабыл,
Где каждая струйка — хрустальная, —
Наверно бы, так не любил
Тебя, сторона моя дальняя...

И — как тоже почти всегда было в те дни — повариха первому поднесла ему дымящуюся, полную до краёв миску.

— Кушай, кушай, сынок, на здоровье... И всё-то, Пётр Степаныч, вы знаете! И степь нашу знаете, и тайгу!..

Он в самом деле превосходно знал дальневосточную природу, — и не как краевед-любитель, а именно как пытливый, мыслящий художник. Можно сказать, что на протяжении всех творческих лет своих он изучил её, соединяя собственные практические познания с данными научных исследований.

Как-то ранним утром ясного июльского дня мы столкнулись с ним в хабаровском парке над Амуром, у вышки водоспасательной станции. Он гулял по берегу, с наслаждением дыша свежей речной прохладой, но выглядел утомлённым — под глазами лежали тёмные круги.

— Весёлую ночь, понимаешь, провёл, — пояснил он, как обычно с юмором отзываясь о себе. — До зари однофамильца своего читал, оторваться не мог! Интересно — и нужно мне: себя проверял...

Оказалось, «однофамильцем» на этот раз был академик В. Л. Комаров: поэта увлёк его труд по дальневосточной флоре.

Однако не по учебникам ботаники или зоологии знал он природу, а прежде всего, так сказать, «по личному знакомству», и потому умел естественно и впечатляюще о ней рассказать. То, что примечал он поэтическим взглядом, служило для мно-

гих своеобразным «открытием» мира. Читатель узнавал вдруг, что не так уж далеко от него, оказывается, растут нелюбимии — редчайшие в мире, гигантские розовые цветы; их родина — Южный Китай и Бенгалия, но есть они и в советском Приморье, в ханкайских плавнях, и там, вместе с рубежами родной земли, охраняют их пограничники Турьего Рога. Чувствовал читатель горьковатый прикус амурской шульты, — этот сухой берёзовый сок, оказывается, заменяет таёжникам чай, и в своё время его не раз пользовали для завтраков первые строители легендарного Комсомольска. Видел читатель, как искусный колхозный следопыт-удэгеец настойчиво ищет в тайге целебный корень женьшень, и как спешит он через заготовительную контору послать его в подарок фронтовикам.

Этот корень воинам поможет,
Тем, кому в походе не до сна.
Может, генерал его положит
В чарку кахетинского вина...

В стихах Комарова немало таких «открытий», но они уже, как видим, не самоцель, не слепая погоня за экзотической деталью. Много рассеяно в этих стихах всевозможных этнографических сведений — но это и не рифмованные заметки натуралиста. Это подлинно поэтический рассказ о том, как своеобразна и богата природа его родного края и как щедро раскрываются её дары под рукой советского человека-созидателя.

Белинский, говоря о свойствах поэтического дарования, указывал, что нет истинного таланта без оригинальности. «Чем выше поэт, тем оригинальнее мир его творчества, — писал он, — и не только великие, даже просто замечательные поэты тем и отличаются от обыкновенных, что их поэтическая деятельность ознаменована печатью самобытного и оригинального характера».

Поэзия Комарова самобытна, оригинальна, в частности, именно тем, что в ней выражено своё — новое — видение природы, новое её восприятие. В творчестве дальневосточных поэтов до последних лет не была сломлена устаревшая литературная традиция — воспевать природу края вообще, безотносительно к условиям и характеру эпохи, либо, в лучшем случае, изображать её в неизменном виде времён Арсеньева и Дерсу Узала. Комаров первый сумел наиболее ярко и художественно отметить в родной природе приметы нашего времени, рассказать о ней в прямой связи с современностью. Эта природа раскрывается в его стихах множеством своих подробностей — либо совсем новых, либо по-новому освещённых. Она уже не статична, не мертва: со сменой лет всё более меняется её облик, меняется и самый пейзаж. В щебет степных «соловьиных кустарников»

входит «скороговорка комбайна», «сдвоенный стук» тракторов. Утренние гудки заводов и больших новостроек оглашают бескрайние таёжные просторы. Созвездья электрических огней в приисковых посёлках и городах затмевают зарево вечерних зорь. В вековую глушь былых медвежьих углов стремительно вторгается железнодорожная магистраль.

Стихи у Комарова по преимуществу лирические — стихи непосредственно выраженного чувства, всегда подкупающе искреннего и цельного. Нельзя при чтении не испытать большой силы их проникновенности и обаяния. Но она тем и объясняется, что вся образная система этих стихов служит отражению новой действительности, активной, преобразующей мир и природу деятельности человека. Выполнению этой задачи поэт подчинял и поиски наилучших изобразительных средств. В бессмертных творениях Пушкина, Лермонтова, Некрасова он искал образцы ясности и высокой художественной простоты русского классического стиха, у великого певца революции — Маяковского — учился понижывать поэзию пафосом передовых идей своей — советской — эпохи, достигать в стихах органического слияния общественного, гражданского с личным.

Поэтическую манеру Комарова отличает краткость, порой предельная лаконичность письма. Он был сдержан, даже скуп на краски и детали, но зато неотступен в стремлении к ясности и точности образа. Художническая требовательность и добросовестность его в этом отношении поучительны для многих. Он понимал, что, по меткому слову Белинского, «неопределённость вредит художественности... Каждое слово в поэтическом произведении должно до того исчерпывать всё значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его».

Комаров неустанно совершенствовал своё мастерство именно в этом направлении и добивался подчас редкой выразительности изображаемого. Известно его, уже не раз цитированное в статьях, описание рыси у таёжного водоёма:

Там рысь — охотница седая—
Идёт, на лапах приседая,
Усатой мордой у воды
В оленье тычется следы.
Своё увидев отраженье
В зелёном зеркале ключа,
Она отпрянет на мгновенье,
Поднимет лапу и, урча,
По отраженью лапой бьёт
И, успокоенная, пьёт...

У Комарова можно найти немало образцов такого, почти скульптурного изображения — особенно богата ими, в частности, книжка для детей «Таёжные жители». Поэтические образы — ясные, зримые, ве-

щественные, порой как бы осязаемые «на ощупь» — рассеяны во многих его стихах. Читаешь «В рыбацком посёлке» — и поражаешься осязаемости найденного поэтом определения ночной тишины: «И чуткая, как рыба, тишина стоит в заливах улиц посёлковых». А как отчётлива зримость пейзажа в «Шантарских островах», где «на скалах прибрежных лежат облака, словно чайки на птичьих базарах»!..

Реалистическая природа образа — вот что характерно для изобразительных средств Комарова. Не смутный домысел служит их источником, а конкретное знание жизни. Он писал лишь о том, что непосредственно знал сам. Более того: чтобы внести в строку то, что составляет основу образа, он непременно должен был почувствовать, увидеть это собственными глазами.

Однажды в разгаре лета нам довелось быть с ним в тайге, вблизи от реки Тумнина — там, где вдоль берега вьётся плотно магистраль Комсомольск—Советская гавань. Стоял душный августовский полдень, мы спустились к реке. У берега Тумнин был неглубок, и под резкими лучами солнца просматривалось всё его дно, усеянное слоем жёлтых и светлокориичневых камней. А от быстрых струй, от прибрежных тальниковых ветвей на камни ложились зыбкие тени. Они переплетались, скрещивались, и лёгкое трепетное их кружево было поразительно похоже на рыбацкую сеть, положенную на дно. И маленькие пёстрые форели, уходя в глубину, как бы скользили в ячейках.

— Смотри! — тронул он меня за рукав. — Разве сам такое выдумал!..

Позже, среди написанного после той поездки, у Комарова родились два стихотворения: одно — философско-элегическое — «Хунгари и Тумнин», другое — «Август». Было это спустя полгода, когда многое из виденного уже выветрилось из памяти, в том числе и эпизод с форелями. И вдруг, со всею реальной ясностью, он снова ожил передо мной из строк «Августа»:

Мы с обрыва с тобой смотрели,
Как от берега в глубину
Золотые плывут форели,
Пошевеливая волну.

Рыб держа на своей примете,
Август бросил на дно реки,
Как ячейки рыбацкой сети,
Солнца трепетные кружки.

Недаром читатели-дальневосточники часто говорят, что по множеству милых сердцу подробностей, заключённых в поэзии Комарова, они узнают родную природу. У него точно, так сказать, документальна поэтическая деталь. Однако за этой деталью — не просто удачная регистрация разнообразных частных окружающего и

не бесстрастная фотография больших или малых явлений. Поэт и свой выбор деталей всё более подчинял задаче осмысленного воспроизведения жизни, одухотворённого, творческого её раскрытия.

Как-то на исходе ночи в амурской степи мы бродили с ним по широкому свежевспаханному загону. Здесь, рядом с полем, где шла уборка урожая, трактористы уже подымали зябь. Небо над степью быстро светлело, розовая полоса на востоке всё увеличивалась, но в этот ранний час загон ещё пустовал и только два недвижимых трактора чернели на нём в рассветном сумраке.

Внезапно впереди, совсем близко от нас, с шумом поднялась какая-то массивная птица, низко пролетела метров сто и, ещё раз взмахнув огромными крыльями, снова опустилась на землю.

— Дрофа! — знающе определил Комаров. Тут страстный азарт охотника пробудился в нём. Он с силой нажал на моё плечо и возбуждённо зашептал: — Ложись быстро!.. Подползём к ней. Может быть, руками возьмём с двух сторон, или пиджаком накроем!..

Было понятно, что этого никогда не случится, но его азарт передался и мне. Мы плюхнулись в мягкую пахоту и поползли, рукавами, карманами загребая рыхлую землю. Дальше произошло то, чего и следовало ожидать: птица не подпустила нас даже на полсотню метров, плавно снялась и улетела к полям соседнего совхоза, где уже кто-то погромыхивал, пробуя, должно быть, мотор у комбайна.

— Эх, вспугнули! — по-детски обиделся Комаров. — Ведь совсем рядом была!..

Мы разочарованно принялись вытряхивать пыль из одежды, и вдруг оба замерли. Откуда-то из борозды вынырнул в двух шагах суслик и уставился на нас, привстав на задних лапках. Словно издеваясь над нашей неудачей, он тоненько фыркнул, присвистнул и так же стремительно исчез. Удивительнее всего было то, что на шерстке его лоснились жирные масляные пятна и пахло от зверька нефтью. Мы переглянулись и тоже невольно рассмеялись...

Спустя какое-то время и этот эпизод отложился в стихотворных строках Комарова. В них ожили «и суслика свист осторожный, и взлёт одинокой дрофы». А дальше было:

Мне степь открывала, как тайну:
Дрофа, что боялась меня,
Летела навстречу комбайну —
На грохот совхозного дня;
И я вспоминал почему-то,
Как суслик меня рассмешил:
Он выбежал в пятнах мазута —
В соседстве с машинами жил...

Это уже не было «нейтральным» пейзажем вне времени и условий действительности. Дрофа, летящая на шум трудового

дня, суслик, живущий в соседстве с машинами, — тут простая, даже заурядная деталь являлась в совершенно новом, принципиально ином качестве. Она приобрела вдруг большое содержание, служа выявлению типичнейших черт сегодняшнего дня — в данном случае, своеобразно давая представление о новом облике богатого техникой советского села.

Оригинальность и новаторство поэзии Комарова, между прочим, и выразились в том, что он стремился и умел придавать поэтическому образу такое новое смысловое наполнение, сообщать ему неожиданную объёмность и глубину. Внимательный исследователь мог бы найти в стихах десятки примеров того, как самая, казалось бы, пейзажно-описательская деталь вдруг разом переключалась из этой своей категории в действенный, социальный, историко-революционный план. В коротенькой зарисовке маньчжурской степи читаешь простейшие строки: «Но идут, как старые солдаты, на восток дорожные столбы» — и какой возникает вдруг сложный мир представлений, ассоциаций, воспоминаний о злосчастной русско-японской войне и о блистательном разгроме империалистической Японии в 1945 году! Или — столь же простые строки из «Июнь-Корань»: «Здесь даже шмель над головою, как пуля снайпера, летит». Перед кем из дальневосточников не встанет вдруг величественная эпопея волочаевских боёв и картины сегодняшнего, неизмеримо возросшего, военного могущества советской страны!

Надо отметить при этом любопытную черту. Даже разнообразные неодушевлённые предметы из мира природы, так часто фигурирующие в стихах Комарова, переходя у него в поэтический образ, переходят тем самым из статичного — в действительное, активное состояние. Поэт одухотворил их, и сама природа — как бы пробуждённая, захваченная грандиозной созидательной деятельностью советского человека, — живёт, «говорит», действует в содружестве и согласии с ним. Подобных примеров тоже можно приводить много. Но, пожалуй, особо ярко это сделано в маленьком поэтическом шедевре Комарова — стихотворении «Дуб» на тему о лесонасаждениях. В стихотворении всего одна строфа, оно — образец лаконичной комаровской манеры и соблюдения некрасовского девиза — писать так, чтобы словам было тесно, а мыслям просторно:

Словно часовой, в широкой пойме
Он стоит, оберегая рожь.
И недаром на патрон в обойме
Каждый жёлудь у него похож.

Это — завидный пример мастерской глубины обобщения в предельно концентрированной и в то же время прозрачно-ясной форме. Так, даже малые пейзажные миниатюры, и те содержат у Комарова отра-

жение новой действительности, связаны с преобразующей деятельностью людей. Какую коренную перемену претерпело у него, скажем, давнее представление о трудолюбии пчёл! Извечно оно служило «критерием» трудолюбия человека. А теперь? Поэт видит, как после жаркого дня работы уснули в поле колхозные жницы. Рядом с ними — «опоздав в свой улей возвратиться, ночует в колокольчике пчела». Но чуть свет — весёлые жницы снова за работой. Вспомнив о пчеле, Комаров завершает миниатюру простым и покоряюще убедительным выводом: как видно, «пчелы у нас в колхозе учатся труду»!.. Или ещё — о козодое, «ночном молотобойце». В сосновом бору птица эта всю летнюю ночь словно «молоточком бьёт по серебру». Стук её вызывает представление об искусной работе отбивающего косы кузнеца. И снова метафора-вывод: «Не в его ли кузнице колхозной птица изучила ремесло?..»

Неустанно ища таким образом точнейшие способы выражения, обогащая и совершенствуя поэтический образ, как основное для этого средство, Комаров добивался подлинной поэтической живописи — безусловно экономной в словах и необычайно насыщенной мыслями. Таково, к примеру, одно из последних его стихотворений — «Степной вагон», насквозь пронизанное заботой и думами наших дней, настолько актуальное и сейчас, что хочется — несколько забегаая вперёд — привести его полностью:

Степной вагон. Мерцанье свечек.
Бригада с поля подошла.
И молодой политпросветчик
Читает «Правду» у стола.

Там речь идёт о нашем веке:
О плане Маршалла, о том,
Как за свободу бьются греки,
Что затевает Белый дом.

И вся бригада полевая
К столу подседа в тесный круг,
Ничем чтеца не прерывая
И настораживая слух.

И хоть не сказано в газете,
Что завтра делать ей пора, —
Как будто танки на рассвете,
Выходят в поле трактора.

Так подымалось и зрело мастерство поэта, так формировались, откристаллизовывались особенности тех изобразительных средств его, с помощью которых сумел он взволнованно и правдиво рассказать о величайших событиях своей эпохи, о замечательных советских людях.

Взволнованная речь любящего человека всегда покоряет нас. Какой бы повод ни породил её, она найдёт многократный отзвук. В каких бы обстоятельствах ни про-

звучала эта речь — в трудный ли час, в минуту ли радости, — силой своего проникновения она достигает сердца.

Впечатление такой речи производят стихи Комарова, написанные в годы войны. Они стали своеобразной поэтической хроникой наших дум, — я знаю, что в те трудные дни многие дальневосточники черпали в этих стихах утешение и бодрость, новый прилив сил и уверенности. Каждое слово этих стихов дышало всеобщим, объединяющим нас чувством трепетной, вечно живой любви к своей Родине.

Ощущение Родины в истоках своих всегда конкретно. Мы помним, как в грозный час опасности бесконечно дороже стал нам вместе со всей страной её Дальний Восток — край, где мы жили и работали. И, словно отвечая на это сокровеннейшее движение тысяч сердец, Комаров создал влюблённые строки о крае, о просторах его и богатствах, о красоте его степей и тайги. Сыновнее чувство привязанности к родной земле звучало в них:

Я бы ветры вдохнул твои с жаждою,
Я бы выпил ручьи до глотка,
Я тропинку бы выходил каждую —
Да моя сторона велика.

Как посмотришь — нехватит и месяца
Обойти и объехать её.
Только в песне да в сказке уместится
Приамурье моё!..

Однако за этим было не только восхищение первородной красотой края, его природой. Поэт понимал, что подобное толкование нашей любви к своей земле было бы узко ограниченным и уже потому искажённым. Ещё Добролюбов писал: «В своём первом проявлении патриотизм не имеет другой формы, кроме пристрастия к полям, холмам родным, златым играм детских лет и пр. Но довольно скоро он формируется более определённым образом, заключая в себе все понятия исторические и гражданственные...»

Употребляя те же слова, — понятия исторические и гражданственные и составляют основу нашего чувства Родины. Они определяются особым характером, значением, ролью нашей — единственной в мире — советской страны, её историей, её социальным строем, общественным укладом. И эти понятия входят в стихи Комарова, придавая им особую широту мысли и художественного обобщения.

Свободе и благосостоянию советского человека предшествовали столетия труда и борьбы нашего народа, его лучших представителей. Преемственность целых поколений была в устройстве, преобразовании и дальневосточной земли. В дни войны мы не раз вспоминали о том, что прекрасную землю эту, щедрыми дарами которой мы пользуемся, обильно полили потом и кровью наши отцы и деды. Как бы отвечая

и на эту мысль, Комаров обращается в стихах к трудному и гордому прошлому Дальнего Востока. Историческая тема естественно входит в его поэзию, — и в цикле «На краю России», и в поэме «Серебряный кубок», в превосходно начатом, но, к сожалению, незаконченном стихотворном романе «Владимир Атласов», — он воспроизводит русских землепроходцев и мореплавателей.

Их тоже вело всепобеждающее чувство Родины, чтобы утвердить её естественные границы на Тихом океане. На утлых кочках приплыл сюда казачий атаман Василий Поярков, чтобы сказать:

Пусть будет Амур нашей русской рекой,
Как старая матушка Волга!

Здесь Ерофей Хабаров строил первую крепость — «слух и глаза своей дальнорской России». Здесь Геннадий Незельской закладывал военные посты —

Чтоб знамя России взвилось
Над волною в амурском лимане.

Здесь первые русские землепашцы, рыбаки и охотники корчевали и возделывали эту землю, раскрывали её недра и с боями отстаивали её от вражеских посягательств. В тяжёлых трудах и лишениях обжитая ими, она перешла теперь к нам, как бесценное наследство, — и наше поколение нерушимо стоит на ней, умножая деяния своих предков. Пафосом большой силы проникнута эта прямая переключка истории с современностью в стихах поэта:

Не найдёшь той минуты краше,
Когда люди сказать смогли:
Всё здесь русское, всё здесь наше —
От Москвы до конца земли!..

Правда, этим произведениям исторического плана свойственен один существенный недостаток. Они убедительно живописали преемственность патриотических традиций между поколениями русских людей, но были в известной своей части односторонни, идейно ограничены. В «Серебряном кубке», например, поэт как бы идеализировал былое, уравнивал его с современным, не касаясь огромных социальных изменений, которые определили коренное отличие настоящего от минувшего, обусловили существенное превосходство людей советской эпохи над самыми передовыми и свободолюбивыми деятелями прошлых веков. Между тем понятно, что эти социальные изменения преобразовали и облик нашей страны, и характер общественных отношений, и сознание людей, у которых и чувство Родины воплотилось в иной, высшей форме — советского патриотизма.

К счастью, изъян этот был вполне возмещён в последующих стихах Комарова. Он отдавал заслуженную дань прошлому России, но прежде и больше всего любил её именно в настоящем и любовно вос-

производил замечательные черты её нового облика. Если говорить о дальневосточных поэтах, то как раз Комаров первым наиболее полно и последовательно разработал тему социалистического переустройства страны на конкретном дальневосточном материале. Его новаторство проявилось также и в том, что он, раньше других отрешившись от воспевания нетронутой тайги, глубже и проникновенней всех отобразил языком поэзии рост социалистической индустрии края и расцвет колхозной деревни.

Многokrатно поэт подчёркивал мысль о том, что сыновьям и внукам первооткрывателей края досталось счастье быть свободными гражданами великого советского государства. Безраздельные хозяева завещанной предками земли — они освоили её и сделали ещё краше. Когда-то вдоль диких и пустынных берегов плыли гребные кочи атамана Пояркова, а теперь по этим берегам

Белеют из тумана
Ветви яблонь у воды.
Это внуки атамана
Здесь раскинули сады.

Это звучит, как стихотворная формула бурных лет социалистического освоения и переустройства Дальнего Востока. Из стихов поэта возникает то, чему мы были свидетелями, что совершали сами. Не один дальневосточник погружается в эти стихи, как в личные воспоминания о героических строительных буднях края.

В ту пору они были отмечены суровой печатью войны:

Чью жизнь сегодня ни затроньте —
От старика и до юнца —
С красноармейцами на фронте
Все наши мысли и сердца.

И далеко от нас иль рядом
Сейчас клубится дым войны,
Но выстрелы под Ленинградом
Нам и в Хабаровске слышны.

И сердце к сердцу стало ближе,
Плечо — к плечу, рука — к руке,
И вырастают силы трижды
И в молодом, и в старике...

Перечитываешь теперь эти строки Комарова, и, как в ярких кадрах экрана, встаёт облик края тех лет. «Энский завод», возникающий в глухой тайге, колхозные сёла, что «стоят бивуаком — как будто готовятся в бой», военно-полевая дорога в степи, лесная станция Топтугары, откуда «Забайкалье посылает фронту новую подмогу». Наконец, родной город поэта, столица края — Хабаровск, о котором он написал с такой теплотой:

Ты и сейчас, как в старину,
Дружины выслал боевые

На край земли, на край России —
Дарами радовать страну.

Отсюда плыли рыбаки,
Отсюда шёл в леса геолог
Искать у прибрежных рёлок
Золотоносные пески.

Когда же памятной зимой
От гололедиц было скользко —
Отсюда к стройкам Комсомольска
Дорогой трудной и прямой
Шла молодёжь на подвиг свой.

А только утреннюю тишь
Чужая бомба разорвала —
Ты за станком и у штурвала,
Боец и труженик, стоишь.

Наша любовь к Родине — великий советский патриотизм — чувство активное, действенное. Его проявлением был неутомимый, самоотверженный труд миллионов в помощь фронту. Как в живой летописи, ощущаешь в строках поэта и страстную, напряжённую атмосферу тех дней:

Среди огней терялась мгла.
Весь цех гудел, не остывая,
Как будто рядом пролегла
В тайге дорога фронтовая.

Пропел гудок. Домой пора.
Но люди отдых позабыли.
И в эту полночь, как вчера,
Они домой не уходили.

И каждый думал в этот миг:
Пока опасность над страной,
Ты и в работе — фронтовик,
Ты и в труде — участник боя.

И на десятках новостроек, казалось,

Сама земля за нас была,
Сама тайга с её величием
Нас подгоняла и звала
И торопила криком птичьим.

За полотняным городком
Мы воздвигали кровлю цеха,
И скоро утренним гудком
Встречало нас лесное эхо.

Деревья рушились, и вот —
Ни пустыря, ни сосен старых —
Стоят, готовые в полёт,
Бомбардировщики в ангарах.

Так, поистине со сказочной быстротой, преображалась и сама былая таёжная глухомань. И тем дороже становилась земля, что всё это создано было собственными руками, что вместе с новостройками стремительно росли и люди, возводящие их. Советский строй открыл неограниченные возможности для развития способностей и духовных сил человека. И — по условиям, по обстановке — пожалуй, нигде так не были широки эти возможности, как

именно на Дальнем Востоке — крае, который сам народ назвал «Сталинской новостройкой».

Есть у Комарова характерное стихотворение — «В родном селе». Лирический герой его, после нескольких лет разлуки, возвращается в родное село и разыскивает друзей юности:

Я постучал в одну из хат:
— Игнат Беляев здесь живёт?
— Игната нету, — говорят, —
Он в Красной Армии солдат,
Он третье лето немцев бьёт...
— А где Илья Пономарёв —
Мой старый друг и мой сосед?
— Сын бригадира? Жив-здоров!
Пилотом стал Пономарёв,
Он облетал весь белый свет...
Я постучался в поздний час
Ещё в один заветный дом:
— Где Алексеенко Тарас?
— Он далеко пошёл у нас,
В райкоме стал секретарём...
...Свой у каждого дела:
Кому — колхоз, кому — райком.
Но всем дорога нам была
Одним широким большаком.

Это — обобщённый образный показ всестороннего роста наших людей в благоприятных условиях советского строя. Он тем более убедителен, что рост этот ежечасно происходит вокруг, и за именами, названными поэтом, каждый читатель словно видит своих знакомых, друзей, сверстников. Так растут миллионы советских людей.

Комаров — глубоко национальный, русский поэт. Ведь, в сущности, и «Бойцы», и «Топтугары», и «Сибирская легенда», и «Возмездие», и «В родном селе», — все его стихи, которые мы уже называли и которые ещё назовём дальше, — все они служат выявлению типичнейших черт национального характера русского человека. Пытливый ум и непоколебимая воля, бесстрашие и мужество, неиссякаемая талантливость и огромная созидательная энергия, глубокий интернационализм и страстная любовь к своему отечеству — таковы эти черты представителей могучего русского народа — ведущей нации в семье братских социалистических наций Советского Союза.

Эти черты совершенствуются, общественное, социалистическое сознание наших людей растёт под животворным, повседневным воздействием великих идей партии Ленина—Сталина. И показательно, что Комаров в своём творчестве неоднократно, непосредственно обращался в связи с этим к теме партии. Ещё в 1939 году, используя мотивы устной нивхской легенды, он создал романтическую поэму «Вискала», посвящённую большевистской партии и её гениальным вождям — Ленину и Сталину. Мыслью о партии, как вдохновителе и организаторе всех наших побед, пронизано

его стихотворение «Ленинское знамя». Об идеях партии, материализовавшихся в невиданном подъёме духовных и творческих сил советских людей, говорит стихотворение, обращённое к стахановцу военного времени С. Тарабарко — «Ходит слава по заводу». Трудясь в помощь фронту, комсомолец Тарабарко выполнял 18 производственных норм в смену. Поэт обращается к нему:

— Ты скажи откуда, парень,
У тебя такая сила?

— Силу Родина дала мне,
На руках меня носила.

— Мастерство твоё откуда,
У такого молодого?

— Слово партии я знаю,
Вдохновляющее слово.

Мудрая большевистская партия пробудила в советских людях неиссякаемые творческие силы, она же воспитала в них высокое сознание долга перед страной. Чувство этого долга стало для нас органическим: мы ощущаем счастье и полноту жизни именно от сознания того, что наша борьба и труд идут на пользу Родине, всему советскому народу. Комаров чутко улавливал, верно понимал эту важнейшую черту характера советского человека.

Уменье Комарова рисовать характер советского человека, благородный мир его помыслов и дел сказалось в стихах «Лето», «Тигролов», «Диспетчер», «У ночного костра», «Учётчик» и т. д. Людей нового, чистого морального облика и высокого общественного долга видим мы в этих стихах. Это они — воспитанные большевистской партией рядовые советские люди, представители и старшего, и младшего поколения — преображаясь сами, преобразили и родную землю. Это они совершили бессмертный подвиг, одержав победу в величайшей из войн, увенчав славой и свою страну, и себя. С большой силой художественного обобщения Комаров сказал об этом в «Звезде Героя»:

Сын вернулся в село родное,
Свой солдатский закончив путь.
Золотая Звезда Героя
Вышей славой легла на грудь.

И отец был на поле боя,
Хоть сюда не дошла война:
«Серп и молот» — Звезда Героя
У него на груди видна.

Им награда дана по праву,
Отстоявшим советский край:
За днепровскую переправу,
За стахановский урожай.

И теперь они знают оба,
Что в стране, где они живут,
Труд солдата и хлебороба
Одинаково люди чтут!

Комаров проникновенно воспел трудовой героизм своего народа в дни войны. Но ему удалось поэтически рассказать и о воинском героизме советских людей.

В воинском героизме нашла своё высшее выражение основная черта могучего советского патриотизма — их безграничная любовь и преданность Родине. Во имя неё миллионы наших воинов совершали ратные подвиги, равных которым не знала история. И в армии героев, какой явилась победоносная Советская Армия, почётное место заняли дальневосточники. Известно, что на многих ответственных участках боёв стояли сибирские и дальневосточные дивизии, и что они блестяще выполняли труднейшие операции. С восхищением следя за подвигами своих земляков на поле брани, мы находили их отражение и в поэзии Комарова. Он говорил о них в стихотворении «Солдату Пашкову», в «Первом из удэге», наконец, в «Сибирской легенде»:

Сибиряк сохранил и сберёг
Нашу славу, как стяг полковой,
У старинных можайских дорог
И в окопах сырых под Москвой.
Опалён сталинградским огнём,
Он измерил всех бед глубину.
Ты у Волги узнаешь о нём,
У курганов степных на Дону.
Он лежал на кровавом снегу,
Он в суглинке стоял по плечо,
Но не дал опоганить врагу
Той земли, что любил горячо!..

Правда, как уже говорилось, стихи эти были ещё порой риторичны, умозрительны. Не будучи в непосредственной близости к фронту, пока ещё лишённый достаточного запаса личных наблюдений, Комаров не мог придать этим стихам обычную для своего дарования ясную силу художественности и проникновенности. Однако ход величайших исторических событий сложился так, что вскоре поэт получил такую возможность. Разгромив гитлеровскую Германию, Советская Армия стремительным ударом поставила на колени и империалистическую Японию. Наша армия вернула Родине исконные, стародавние русские земли — Южный Сахалин и Курилы.

Великое сражение шло теперь рядом, в непосредственной близости от советского Дальнего Востока. И Комаров, пренебрегая недугом, устремился с наступающими войсками родной армии на поля освобождаемой Маньчжурии. Так он стал живым свидетелем ещё одного ратного подвига своего народа и уже собственными глазами увидел советских людей не только как беззаветных тружеников, но и как победоносных воинов.

Прямым откликом Комарова на эти события явился цикл стихов «Маньчжурская тетрадь». Он стоит первым в числе трёх его поэтических циклов, которые удостоены Сталинской премии.

В цикле «Маньчжурская тетрадь» — он первым — и уже не только в дальневосточной, а, пожалуй, во всей советской поэзии — сумел столь ярко и выразительно рассказать о маньчжурском освободительном походе Советской Армии. Здесь образы советских людей — наших воинов — освещены с новой, дополнительной стороны и так же одухотворены дорогими, близкими нам чертами задушевности и человеческой теплоты. Здесь ещё с большей силой звучит пафос любви и восхищения страной социализма, воспитавшей этих людей.

Есть в этом цикле стихотворение «На сопках Маньчжурии». В нём намеренно воспроизведены поэтом и заглавие, и самый ритм старинного вальса-песни, сложенного в память о русских солдатах, которые по вине продажного царского командования погибли в русско-японской войне 1904—1905 годов. Но скорбному тону вальса прямо противоположен мажорный, оптимистический тон стихотворения. И за текстом его — не только мысль о том, что ныне Советская Армия смыла с России пятно поражения в той злосчастной войне. В стихотворении подчёркивается и другая — главная мысль:

Снова мы здесь,
На сопках Маньчжурии снова,
И так же вокруг непогода шумит,
Бойцов провожая сурово.

...И ветер шумит,
Сгибая дубки молодые,
И прежние песни над нами поёт, —
Да мы-то уже не такие.

Мы только вчера
Прошли всю Европу с тобою,
На Дальний Восток из Берлина
пришли,
Готовясь к последнему бою.

Да, мы-то уже не такие — вот в чём всё дело! Новые — советские люди, новая — советская социалистическая Россия пришла сюда, чтобы покарать заклятого врага — японский империализм и спасти задушенные им народы Маньчжурии и Кореи. Та новая Россия — светлая, могучая и справедливая, к которой давно уже с надеждой обращают взоры миллионы порабощённых. Комаров нашёл подлинно волнующие слова, чтобы выразить это:

И вот она — подвижница святая,
Вся славой осиянная в веках, —
Пришла сама, величием блистая,
С победными знамёнами в руках.
Никто не позабудет этой встречи:
Увитых георгинами штыков,
Малюток, нежно поднятых на плечи,
Коленопреклонённых стариков,
Мужской слезы, оброненной впервые,
Молитвенного шёпота вокруг,

И жадных взглядов: «Русские!
Родные!»
И трепета горячих женских рук...

Так было всюду. Комаров в конкретных поэтических образах показывает то, что при вступлении советских войск можно было наблюдать почти на каждом шагу в маньчжурских и корейских городах и сёлах. В знойной степи Чахара —

Встретив бойца, молодой баргут
С бронзоволицым отцом — аратом
С дальних кочевий к нему бегут,
Русского вслух называют братом.

В предместьях Пхеньяна —

В эту лунную ночь опять,
У семейного кана греясь,
Нам спасибо спешит сказать —
В пояс кланяется кореец.

В поймах Сунгари, откуда

Мы уходим дальше в этот вечер,
И закат над сопками горит, —
Там маньчжур на ломаном наречье
Нас за всё, за всё благодарит!..

В городе Нинани — об этом рассказывается в стихотворении «Мудрец» — красноармеец произносит короткую речь, и восхищённые китайцы, видя в нём посланца правды, человека из страны, принесшей им освобождение, слушают его, как мудреца, и восторженно несут на руках. Поистине «всюду был — от Праги до Китая — желанным гостем русский человек!» И как обобщение славного пути советского солдата, звучат строки поэта:

Не в песках свой след оставил он,
Не в пустыне — голой и безводной.
В благородной памяти народной
Этот след навеки сохранён.

И по следам Советской Армии, как после животворного очистительного потока, чудесно расцвела мощь возрождения народов. Нельзя не привести из комаровской «Баллады о мёртвом городе» ещё одного прекрасного обобщения о советском солдате. Действительно —

Где прошёл он — мёртвые вставали,
К жизни поднимаясь, города!

Мы видим ныне замечательные плоды этого возрождения в могучем подъёме нового Китая, которому разгром Советской Армией империалистической Японии непосредственно содействовал в победе над гоминдановской кликой и происками англо-американских империалистов. Ныне великий Советский Союз и 475-миллионный новый Китай соседствуют в дружественном союзе и взаимопомощи, составляя главную силу лагеря мира и демократии. Ход исторических событий придал особо актуальное звучание ещё одному стихотворению Комарова — «Амур после грозы». Все годы ок-

купации Маньчжурии японскими империалистами тот, противоположный, берег Амура был плацдармом врага, нацеленным против нас. Но, подобно грозе, Советская Армия обрушилась и смела японских хищников. Освобождённая Маньчжурия теперь стала неотъемлемой частью нового, дружественного Китая. И вот —

Где берега, как два врага,
Глядели с давних пор,
И где одна волна с другой
Не прекращала спор —

Гром, перекатываясь, шёл
У роковой черты.
И вдруг затих, и чистый свет
Прорвался с высоты...

...И посветлело всё вокруг —
И сопки, и луга.
И, как друзья, сошлись к воде
Речные берега.

Много и других ассоциаций, картин, представлений возникает при знакомстве с «Маньчжурской тетрадь» — настолько удалось в ней поэту широко охватить и проникнуть в смысл знаменательных событий нашего времени. Хочется лишь ещё особо сказать о том, что уже упоминалось, — о новых, дополнительно раскрытых в этом цикле чертах благородного характера советских людей, свершающих ратный подвиг.

Прочтите, к примеру, суровые и мужественные стихи «Солдат шёл через пустыню». Какое величие воинского духа русского человека ощутите вы, какую безмерную выносливость его, способность — вопреки всем преградам и лишениям — достигать поставленной цели! Перечитайте ещё «Санчагоу», «За Амуром ходило горе», «Колодец» или «На допросе». Строки их с виду сдержанны. Но какое за ними кипит неистощимое, священное чувство ненависти к заклятым японским империалистам — чувство, которое особенно понятно старожилам-дальневосточникам, что провели здесь, до разгрома Японии, немало тревожных и напряжённых лет!..

И в то же время в нас всегда жило гордое сознание того, что люди нашей страны, беспощадные к врагам, вместе с тем носят в себе свойства величайшей — социалистической — гуманности, великодушия и доброты, верности своим друзьям.

Таким воспитала советского солдата большевистская партия, социалистическая Родина. Он силён её могуществом, он прекрасен её духовной красотой и величием. Неразрывны его сыновние связи с ней, и где бы ни оказался советский человек, он несёт в себе её родной вдохновляющий образ. В самом деле —

Много стран в эти годы видали мы,
По дорогам солдатским пыля.

Только нам и за дальними далями
Снилась наша родная земля:
Небеса с колдовскими закатами,
И тайги вековечный покой,
И Амур с берегами покатыми,
И весенний туман над рекой...

Хорошо в стране дружественного народа,
радостно сознание, что ты помог ему
быть счастливым, а всё ж сколько раз
бывало, что вдруг задумается советский
воин —

И птицей быстrokрылою
Вдруг улетит мечта
В сторонку нашу милую,
В родимые места,
Где всё не так — и узкая
Тропинка над рекой,
И небо наше русское,
И ветер не такой...

Так Комаров волнующими штрихами дорисовывает сложную глубину русского характера.

Так получает своё законченное разрешение тема о великом чувстве Родины. Так получает разрешение и тема о героическом воинском подвиге народа, одержавшего победу, выполнившего свою великую миссию и вернувшегося к мирному труду.

— «Иди и не сворачивай с дороги!» — так сказано в одном из лучших стихотворений Комарова — «Золотая просека». Девиз этот можно было бы целиком отнести ко всему творческому росту и развитию самого поэта. Твёрдо став на путь боевой, нужной народу, высоко идейной поэзии, он уже до конца не сворачивал с этого пути.

— Как могучим прожектором, освещены теперь наши дальневосточные задачи, — взволнованно говорил он на партийном собрании писателей Хабаровска, когда они в сентябре 1946 года обсуждали историческое постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград». — Своими указаниями наша родная партия вдохнула в нас, советских литераторов, новую великую силу. Я считаю своим высшим долгом выполнить эти указания и обязуюсь в своём творчестве ещё активнее разрабатывать темы современности, ещё глубже отображать героические подвиги наших советских людей...

А живой, видимой, осязаемой современностью было то, что советский народ, увенчанный славой победы в величайшей из войн, какие знала история, ещё более окрепший и закалённый вступил в период постепенного перехода от социализма к коммунизму. Ведомые партией, советские люди, не терпя «передышек» и успокоенности, вдохновенно боролись за восстановление и дальнейшее развитие своего народного хозяйства, за осуществление гигантской, начатой Сталиным, программы послевоенной пятилетки.

Для Комарова, как уже говорилось, созидательная, преобразующая деятельность людей давно стала источником и основой творческого вдохновения.

В послевоенных стихах, воспевая труд человека-созидателя, он всё более касался мысли о переделке природы, об использовании её стихийных сил и ресурсов. Он писал о ботанике:

Таинственным силам растенья
Ты отдал своё вдохновенье —
И вновь с озабоченным видом
Склонился над новым гибридом:
Он будет диковиной века —
Пшеницею в рост человека.

О плодах преобразующей человеческой воли поэтически говорил он в новелле про речку, что издавна струилась возле села, отражая в себе звёзды, «как золотые огоньки»:

Те огоньки в струе речной
Заметил умный человек,
Что жил со светлою мечтой
И породнился с ней навек.

Он здесь трудился много дней,
Весь берег речки замостил,
Плотину выстроил на ней
И гидростанцию пустил.

Теперь, как ночка над селом, —
Те золотые огоньки
По проводам из дома в дом
Бегут от берега реки.

А речка катится вперёд
И дело делает своё.
Над ней черёмуха цветёт,
Глядится яблонька в неё.

Обобщая весь многообразный труд своих земляков по социалистическому переустройству родного Дальнего Востока, он образно показывал, как преобразился весь облик края, что был краем ссылки и каторги, где «сам царь человеку обламывал крылья», где безлюдьем и глушью когда-то ужасался еще создатель «Обломова» — Гончаров, путешествовавший на фрегате «Паллада»:

А мы в этот край
Золотой и богатый
С машиной пришли
И с мечтою крылатой.

Дымят пароходы
У ближнего мола,
И клуб зашумел,
И весёлая школа,

И в окнах домов,
Что стоят на просторе,
Зелёной волной
Отражается море...

В наш век бы горячий
Вернуть Гончарова,
Чтоб здесь он прошёл,
Как и мы, зачарован.

О нас бы теперь
Он сказал, как о чуде.
А мы — рядовые
Советские люди!..

Но теперь, на новом этапе, в поэзии Комарова о преобразующем человеческом труде появился ещё более активный, мы бы сказали, наступательный дух. Мир природы, рисуемый им, уже совершенно неотъемлем от деятельного мира советских людей — творцов новой истории. Раскрывая всё богатство их духовного строя, поэт как бы подчёркивает, что и чувство природы у них особое. В сущности, только советский человек и может по-настоящему ощущать красоту природы, как её свободный и радостный хозяин. И никто не любит свою родную природу с такою силою, как советские люди. Но, любя, они видят её «слабости», изъяны, её неустроенность, и героическим трудом преобразуют и украшают её для себя, для будущих поколений — своих детей и внуков, для всего человечества. Великие идеи коммунизма, преобразующие мир, озаряют их мысли и дела.

Огромные масштабы этих дел как бы входят теперь в рисуемые поэтом картины. Здесь безраздельно властвует новый советский человек — могучий и умный хозяин земли, благоустраивающий и обновляющий её. Он выступает во всеоружии новейшей техники, обогащённый опытом труда и борьбы, и перед его разумной волей покорно склоняется сама природа, меняя свой дикий, первозданный нрав. Так, развивая тут же мысль о коренном изменении былого облика Дальнего Востока, Комаров пишет:

В том краю, где он по месяцу
Человека не встречал,
Я теперь с гранитной лестницы
На морской гляжу причал.

Корабли — их видно издали —
День и ночь в порту дымят,
Чередой подходят к пристани,
Цепью якорной гремят.

Лязг лебёдок, словно жалобу,
Ветер с пристани донёс:
Здесь на берег с мокрой палубы
Выгружают паровоз,

Там, где чья-то резковатая
Речь слышна на корабле,
На канатах экскаваторы
Опускаются к земле.

Рядом лес шумит вершинами,
А внизу звенит металл.

Берег, занятый машинами,
Рубежом исходным стал.

На тайгу в поход идут они,
Горы приступом берут.
И опорными редутами
Стройки новые встают.

Это — из цикла стихов «Новый перегон», который был написан Комаровым в 1946 году. Он посвящён строителям железных дорог Дальнего Востока.

Помнится, между прочим, что когда появился в свет цикл «Новый перегон», кое-кто из критиков, или почитавших себя критиками на Дальнем Востоке, встретил его скептически. Если не в печати, то в досужих устных излияниях эти эстетствующие критики ужасались тому, что поэт смог избрать предметом своего вдохновения такую, с их точки зрения, серую прозу жизни, как... постройка дороги! И — самой жизнью посрамлённые в отсталости — они пытались отстаивать непроходимый анахронизм своих «отправных посылок»!.. Но ведь еще Белинский, чуть не сто лет назад, растолковывал: «...В том-то и состоит задача реальной поэзии, чтобы извлекать поэзию жизни из прозы жизни и потрясать души верным изображением этой жизни».

А эта жизнь, к тому же, есть наша советская действительность, в применении к которой анахронизмом звучит самый термин «прозы жизни», ибо каждая клеточка этой так называемой «прозы» исполнена у нас кипучей социалистической романтики жизни, вдохновенного пафоса великих свершений и подвигов советских людей, строящих коммунизм.

Поэзия такого труда и есть, как говорят, лейт-мотив цикла «Новый перегон» — стихов о стройке стальной магистрали. Комаров увлечённо и близко интересовался ходом этой стройки, толковал с её людьми, изучал материалы. Наконец, верный своему принципу — самому увидеть, чтобы написать, — он был и на трассе магистрали. Нам вместе довелось ехать в числе гостей в первом поезде, вёзшем правительственную комиссию по осмотру новой дороги.

Почти с первых же перегонов нас обступила тесным коридором тайга — настолько глухая, что, казалось, лохматые, в метр длиной, космы лишайника на ветвях так и висели еще не тронутые с незапамятных веков. Торжествующе гудя, поезд мчался здесь, как грохочущий, свежий ветер. На каждом полустанке его громкими криками встречали толпы строителей. Дорога еще только опробывалась, но уже по всей трассе жило ощущение новой большой победы над стихиями суровой природы. Было в разгаре лето, — и радостные люди буквально увешивали вагоны поезда охапками пёстрой таёжной зелени. Он так и нёсся всю дорогу, похожий на гигант-

скую гирлянду огромных и ярких дальневосточных цветов.

Из тенистой узкой долины поезд стал вдруг взбираться вверх. Огибая массивную гору, он широкой спиралью шёл всё выше и выше. Из вагонного окна, точно из кабины самолёта, мы следили, как ярус за ярусом уходила вниз тайга. Потом она исчезла совсем, и за окном осталось только голубое солнечное небо и рассечённые поездом редкие облака. Через минуту под нами оказались и эти облака и, глянув между ними вниз, мы увидели вдруг уже едва различимую, тоненькую ниточку рельсов, по которым прошли полчаса назад.

Комаров оторвался от окна.

— Ну! — восторженно перевёл он дух, и смуглое лицо его побледнело от волнения. — Кажется, уж самих небес достигли. Вот это высота!..

Восклицание это почти так и воспроизвелось потом в его стихотворении «Сихотэ-Алиньский перевал»:

Такой подъём, такая высота —
За облака тебя уносит поезд!
И твой сосед на новые места
Глядит с небес, чуть-чуть забеспокоясь.

...А поезду — и реки нипочём,
И эти вот заоблачные горы:
Он со своим усердным «толкачом»
Взбирается в небесные просторы.

— Да, перевал! — воскликнет
кто-нибудь. —

А как же те, что днями и ночами
До самых туч прокладывали путь —
Кто двигал их, какими «толкачами»?..

И сразу все столпятся у окна —
Из всех купе соседи и соседки,
Твоих друзей припомнят имена —
Простых героев новой пятилетки.

Чувство нового гигантского подъёма производительных и духовных сил народа, чувство огромной высоты, которой уже достигли советские люди в своих свершениях, — это и отличает новый цикл Комарова. Ничто уже не может приостановить их наступательного движения к коммунизму — любая преграда рушится под их соединёнными усилиями, как покоряется и подвластная им природа. В стихах «Изыскатели», «Медвежий угол», «Скала «Ай-я-яй» поэт иллюстрирует эту мысль эпизодами стройки магистрали — как шли, преодолевая все лишения, изыскатели и таксаторы, как следом за ними, сокрушая отвесные кручи, пробивали трассу подрывники.

Не случайно, оценивая творчество Комарова, газета «Правда» отметила его «отличные стихи, вдохновлённые героической романтикой жизни, пафосом социалистического труда, преображающего природу и человека, самоотверженным служением со-

ветскому народу, рождающим подвиги героев». Заслуженную оценку цикл «Новый перегон» получил и в том, что удостоен Сталинской премии.

Наконец, Сталинской премией отмечен и третий — последний — цикл стихов Комарова — «Зелёный пояс», в котором он ещё более ярко показал советских людей в их активном, революционном отношении к природе.

В 1947 году, по инициативе товарища Сталина, наша партия и правительство приняли историческое решение о лесонасаждениях. Создать огромные лесозащитные полосы, превратить пустыни в сады, изменить самый климат целых областей и районов — таких задач еще не знало человечество. Это, казалось бы, дерзкая мечта — но она становится реальностью в стране строящегося коммунизма! Ныне работы по лесонасаждениям в гигантских масштабах развернулись на просторах нашей Родины.

И мы уже знаем немало стихов, посвящённых этой величественной программе переустройства природы. Но среди откликов многих «хороших и разных» поэтов страны, может быть, одним из самых естественных и органичных был поэтический отклик на эту тему Комарова. Ведь всё, что писал он раньше, по характеру было как бы подготовкой к такому отклику. Глубокое знание и тонкое чувство обновляемой природы помогло ему и об этом новом подвиге своего народа сказать чрезвычайно образно и проникновенно.

Образ родных ему лесов становится как бы одухотворённым. В обобщениях поэт связывает его не только с переделкой природы, но и с мыслью о защите Родины, об укреплении её могущества и обороноспособности. Зелёные леса — верные союзники человека в борьбе с засухой: «в зелёных гимнастёрках, как солдаты, стоят они — защитники полей». Сама борьба за поля, за новые обильные урожаи тоже рисуется как наступательный акт, как сражение:

Той кочующей пыли,
Что несёт суховея,
Мы войну объявили
Всей державой своей.
На путях у пассатов,
На границах пустынь
Лесовод и таксатор
Занимают посты.
Завтра встанет у пашен,
Что засеял колхоз,
Пограничная стража
Тополей и берёз!

И это будет, ибо «волею Кремля, нам всё больше с каждым годом покоряется земля!» Ибо уже сегодня воплощаются в жизнь намеченные планы! Нельзя удержаться от того, чтобы не привести целиком прелестную миниатюру Комарова «Но-

воселье», с теми же присущими ему свежими, милыми сердцу и по-новому раскрытыми подробностями жизни:

Украсить лесом здешние края
По пятилетке задалась мы целью.
И вот он, лес!..
И песня соловья
Пришлась как раз к лесному новоселью.

Никто не ждал крылатого певца.
Он прилетел и, свыкшись постепенно,
На пробу вывел, радуя сердца,
Своё замысловатое колено...

Что грех таить, —
Почти деревней всей
Мы слушали того певца на ветке,
И думали, что даже соловей
К нам прилетел по плану пятилетки.

От частного поэт ведёт читателя к пониманию общего, из настоящего как бы перебрасывает мост в близкое будущее. Садам стал не только один этот колхоз, справивший своё лесное новоселье. Гармоническое, комплексное развитие — закон всего нашего социалистического планового хозяйства. В переделке природы, в создании могучих лесозащитных полос — «Зелёного пояса» — участвуют все области страны, взаимно обмениваясь лучшими породами. Пройдёт немного лет — и над преображённой землёй зашумят леса, где «в один зелёный ряд станут ель с приморским кедром и кавказский виноград», где «обнимется лиана с подмосковною сосной». Тут воплотится и «личная» мечта поэта: краса и гордость его амурской тайги — бархатное дерево — тоже «войдёт в пейзаж коммунистического завтра».

И это будет делом наших рук...
Придёт пора —
Мы одолеем вьюгу,
Сады перешагнут Полярный круг,
А лиственница выберется к югу.
И вижу я тот благодатный год,
И зной песков,
Где роши зашумели,
И полюс холода,
Где мы достигли цели:
Там ртуть мертва, но яблоня цветёт!

И поистине, как личное завещание покойного поэта, образно материализованное в цветущей яблоне, звучат строки Комарова:

То дерево, что рвётся в высь —
К лазури, к солнцу, к свету, —
От нас

потомкам
в коммунизм

Доставит эстафету!..

Так он — безгранично и искренне любивший родную землю — с такой же вдох-

новенной любовью воспел и величественные дела своего народа, обновляющего эту землю, приближающего прекрасное коммунистическое завтра.

Весной 1948 года мне случилось быть в Армении. Мой знакомый — армянский поэт Ашот Граши — повёз меня за 80 километров от Еревана, посмотреть знаменитое озеро Севан — красу и гордость армянского народа. Там в ту пору полным ходом шла стройка мощной подземной гидроэлектростанции — будущего «Севанского каскада».

Небольшой моторный катерок перебросил нас к острову с древним армянским монастырём, и мы поднялись на самый высокий утёс. Слева от нас курилась туманом гряда каменистых вершин, под нами, внизу лежала огромная и прекрасная голубая чаша озера. Мы дышали чистейшим горным воздухом, и, несмотря на палящий зной, было необычайно легко под дуновением мягкой озёрной прохлады.

Наш утёс был обнажён и только на одном скате его лепился кустик каких-то цветов, странно похожих окраской на алию дальневосточную сарану. Я вдруг вспомнил и невольно прочитал вслух:

Схоронили его до весны
На холме у высоких берёз,
А весной цветок сараны
Из казацкого сердца пророс...

— Я знаю, откуда это, — улыбнулся Ашот. — Комаров, дальневосточный поэт. Это из «Сибирской легенды». Я много его стихов знаю — очень нравятся!..

Узнав о том, что я хорошо знаком с Комаровым, спутник мой стал жадно о нём расспрашивать. Я описал ему и наружность поэта, и то, что знал о его характере, и как он работает. Сказал, между прочим, и о том, что Комаров давно и тяжело болен туберкулёзом.

— Да что ж он до сих пор сюда, на Севан не приехал, к нам! — с истинно кавказской горячностью и гостеприимством воскликнул Ашот и даже схватил меня за борт пиджака. — Тут воздух такой, ему полезно!.. Давай напишем — пускай собирается!.. — Потом, должно быть, какая-то другая мысль мелькнула у него, и он спросил: — А скажи, у Комарова все такие стихи — бодрые? Он всё время писал так — стойко, несмотря ни на что?..

Ашот уловил основную, типичнейшую черту морального, творческого облика Комарова как поэта и человека. В самом деле, вся поэзия его — как она есть, до последней строчки — была глубоко оптимистической, жизнеутверждающей. Надо представить себе, что ведь физически он в течение ряда лет испытывал мучительные страдания изнуряющего недуга. Если не сознание обречённости, то мысль о том, что болезнь сокращает его дни, тяготела над

ним. Но всегда мы видели его спокойным по этому поводу и всегда слышали лишь добродушную, юмористическую усмешку его над собой и даже над собственным недугом. И ни единой ноты пессимизма, жалобы или уныния во всём, что ни вышло из-под его пера!.. Это и поразительно, и так нам понятно! Воспевая безграничное мужество советских людей, воспитанных страной социализма, он и сам был таким, как они.

Может быть, лишь единственный раз проскользнула у Комарова нотка печали — и разве только в стихотворении об умершей юности, о поре его пионерских лет, о детстве, «которого больше не будет». Да и эта светлая печаль так естественна и человечна, ибо, как говорил он, обращаясь к другу:

Года никого не обходят,
И пускай ты к нему не привык,
Но в моём и твоём обиходе
Скоро скажется слово — «старик».

И ещё:

Идёшь ты — как будто взбираешься
в гору:
Под старость одышка берёт.
Ну, что же... И я помаленьку старею,
Как в гору иду за тобой.
Но с горной вершины мне станет
виднее
Весь этот простор голубой!

Таким жизнедейственным, активным исходом разрешался у поэта даже и мимолётный минорный мотив сожаления о невозвратной молодости. Ещё более конкретно, определённо вылилось у него это в строках «Дальнего берега»:

Как давно, и как совсем недавно
С галстуками цвета сараны
Мы расстались, и дошли нежданно,
Дожили до первой седины.

Пусть она до времени приспела,
Пусть пришла, как изморозь, она, —
Лишь бы ты цвела и молодела
Год от года, наша сторона!

Вот что проходило красной нитью в размышлениях поэта и о себе самом, и о цели своей жизни. Лишь бы цвела, молодела, укреплялась родная страна, лишь бы росли могущество и слава родного народа! — «Пусть мы с тобой бессмертными не будем, — восклицал он, — бессмертными останутся дела!» В служении народу видел он смысл своего существования, народу отдал свой недюжинный талант, и о минувшей молодости сожалел лишь потому, что страстно хотел сделать как можно больше для народа. Необычайно искренне, скромно и просто сказал он о своём патриотическом чувстве в коротенькой «Надписи на книгу»:

Сторонка дальняя моя,
С перепелами вдоль обочин, —
Твоею славой славен я,
Твоей заботой озабочен.

Благословен мой край, и в нём —
Наш труд,
Наш дом, где всё знакомо.
Я — нитка в знамени твоём
Над черепичной крышей дома.

В «Золотой просеке», философски осмысливая задачу своей жизни уже с позиций умудрённой опытом зрелости, он провозгласил волевым, полный веры в победу девиз — всегда и неизменно идти вперёд — «и чтобы ни случилось впереди, — увидишь солнце на своём пороге». А в стихотворении «Кедр», написанном в самый разгар Великой Отечественной войны, он сурово и лаконично сказал о себе, сопоставляя устремлённый к солнцу кедр с безвольно гнущейся аралией:

Если мне придётся умереть —
Кедром упаду я поутру:
Лучше сразу факелом сгореть,
Чем всю жизнь сгибаться на ветру!

Творческое горение — эти два слова как нельзя лучше определяют характер короткой и так безвременно прервавшейся жизни Комарова. Вся она была неразрывно связана с жизнью Дальнего Востока — вместе с ростом края рос, совершенствовался и поэт. Он так и формулировал обращённое к нему своё поэтическое «признание»:

К тебе прикован молчаливым взглядом,
Я не один из верных сыновей
Свою судьбу соединил с твоей
И жизнь свою с твоей поставил рядом.

Эта сыновья любовь к великолепному родному краю двигала им. Честный, необыкновенно требовательный к себе поэт-труженик, он буквально не давал себе отдыха. Стоически одолевая приступы болезни, ездил повсюду, чтобы видеть новое, работал и дома, и в гостях, и в дороге. Сколько раз мне приходилось видеть его пишущим в гостиницах Благовещенска и Владивостока, в поезде на Комсомольск, в учительском кабинете Тамбовской десятилетки, на пристани в бухте Ванина!..

Не забуду эпизод, разыгравшийся в 1947 году в редакции журнала «Дальний Восток». Не задолго перед тем пришли вести о новых успехах Народно-освободительной армии Китая. Все радостно и возбуждённо комментировали их. И как раз в это время в редакцию попали новые стихи известных китайских поэтов Ай Цина, Тянь Ханя и Го Мо-жо. Это были стихи о Ленине и Сталине, о Советском Союзе. Решено было срочно дать их в номер журнала, который уже готовился к выпуску.

Стихи, однако, были еще только в подстрочниках; предстояло делать стихотворный перевод — не менее полуторасга строк — работа немалая и для квалифицированного профессионала. Тут же сидел Комаров, переживавший тогда очередной тяжкий приступ болезни. Он упорно не хотел ложиться, но лишь с трудом двигался и дышал, отирая исхудалое лицо. И вот он потребовал отдать перевод ему, хотя мы явно видели, что делать это было более чем опрометчиво!

— Пётр Степанович, а не трудно тебе сейчас? — осторожно убеждали его. — Ну сделает же кто-нибудь другой...

Но он уже обиделся, как мы ни смягчали тона.

— Что же вы меня оттираете от такого дела? — ревниво настаивал он. — Не другой, а я могу сделать... Я лучше себя знаю!..

Разговор происходил близко к вечеру. А на следующее утро, — стало быть, просидев всю ночь, — он принёс готовую рукопись. И не только перевод был хорош, но даже внешне — по всегдашней его привычке — рукопись эта была любовно оформлена: текст стихов аккуратнейше перепечатан на машинке чёрным шрифтом, а заголовки выделены красным...

Эта жадность к работе и в то же время кровная заинтересованность во всём, умение творчески отзываться на все многообразные проявления жизни — от цветенья какой-нибудь сараны в родной тайге до побед Народно-освободительной армии в Китае — сообщили поэзии Комарова столь проникновенное и в то же время широкое звучание. Дальневосточный материал был конкретной основой всех его произведений, и он сумел исчерпывающе рассказать в них о родном крае. Но он не остался так называемым «областным» поэтом, избежал провинциального «местничества», смело раздвинув пределы своего творчества широкими художественными обобщениями, большими актуальными темами жизни и борьбы всей нашей страны, всего советского народа. И потому, говоря о Комарове, как о поэте, следует с благодарностью сказать, что он поднял дальневосточную поэзию на новую ступень, дав в этом смысле поучительный пример всем другим её представителям.

Коммунист, художник боевого партийного слова, он являл типичнейший образец советского писателя и другой — общественной — стороной своей деятельности. Много лет он был журналистом, три года руководил Хабаровским отделением Союза писателей, был членом редколлегии журнала, членом редакционно-художественного совета Дальгиза. В 1948 году комсомольчане избрали его по своему округу депутатом краевого Совета депутатов трудящихся. И всюду, оправдывая высокое доверие народа, беззаветно служил он ему, отдавая родному краю всю кипучую энергию и силы. Нелепая, безвременная смерть

скосила его в самом расцвете духовных сил и таланта... Но и уходил он с преданной мыслью о «родной сторонке», о дорогих своих земляках:

Сторонка родная, где прожиты годы,
И дом, как маяк, у реки...
Войду в поговорку иль выйду из
моды —
Припомнят меня земляки:

— Он жил для тебя и работал не плохо,
Бродил по дорогам лесным,
Был сыном твоим до последнего вздоха
И верным солдатом твоим...

Они для меня прозвучат, как награда,
Простые слова земляков.
И лучшей награды поэту не надо
Во веки веков.

Родина увенчала его почётным званием лауреата Сталинской премии. И «лучшая награда», о которой мечтал поэт, — память благодарных земляков навсегда сохранит его образ. Его честная, искренняя и мужественная поэзия взята ими на вооружение. В их борьбе и труде он всё так же с ними — верный и даровитый сын славного Дальневосточного края могучей советской державы.